

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 008:316

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ Г.В. ПЛЕХАНОВА В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА*

А.М. ПОДОКСЕНОВ

Елецкий
государственный
университет
им. Н.А. Брусилова

e-mail: podokse-
nov2006@rambler.ru

В статье анализируется влияние на Пришвина марксистской революционной идеологии, увлечение которой пришло к нему через работы Плеханова. На материале художественных произведений, публицистики и Дневника рассматривается путь мировоззренческого разочарования писателя в марксизме, который начался во время учебы в университетах Германии. Идеино риторная с марксизмом еще в начале XX века, Пришвин после революции вновь сталкивается с ним уже в форме советской эстетики, теоретические основы которой заложил Плеханов. Классовый подход к искусству, идеологизация творчества и вульгарный социологизм советской эстетики, принципы которой вслед за Плехановым разработали Ленин и Троцкий, совершенно неприемлемы для писателя. Пришвин считает, что марксистская теория классовой борьбы, догматически применяемая к духовной жизни общества, губительна для искусства. Поэтому свое самоутверждение и спасение как писателя Пришвин видит в служении силам добра, а не для классовой розни.

Ключевые слова: марксизм, Г. Плеханов, В. Ленин, Л. Троцкий, классовый подход к искусству, идеологизация творчества, вульгарный социологизм.

Европейская и отечественная революционно-социалистическая идеология оказала на М.М. Пришвина весьма значительное влияние, поэтому сам писатель вполне обоснованно называл свое образование марксистским¹, особо подчеркивал, что марксизм, из-за которого он попал в тюрьму, действительно стал «одним из определяющих моментов жизни»². С существованием социал-демократического политического «подполья» и революционной нелегальной литературы будущий писатель познакомился еще гимназистом в середине 1880-х годов, благодаря своему старшему товарищу по Елецкой гимназии Н.А. Семашко, племяннику Плеханова. В автобиографии 1922 года Пришвин вспоминал, что само увлечение марксизмом пришло через

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 07 – 03 – 73302а/Ц

¹ Пришвин В.Д. Путь к слову. М., 1984. С.92.

² Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994. С.366.

Плеханова, когда «учился в Риге в Политехникуме химиком четыре года, и тут я уверовал через книгу Бельтова (Плеханов) в марксизм <...> Я был рядовым, верующим марксистом-максималистом (как почти большевик)» (Кн.3. С.275). Правда, в автобиографическом романе «Кашеева цепь» (1922-1954) Пришвин свое знакомство и увлечение марксизмом относит на несколько лет раньше, когда Алшатов – alter ego писателя, – получив в Сибири аттестат зрелости, летом 1893 года возвращается домой к матери в Хрущевское имение под Ельцом.

За время пребывания Михаила Алшатова в Сибири все его елецкие друзья уже определились: кто учился в университете, кто, не окончив гимназии, служил чиновником на почте, кто у нотариуса. Но главной новостью оказалось, что Ефим Несговоров (прототип Н.А. Семашко – будущего наркома медицины в Советском правительстве), у которого Алшатов в гимназии «выучился петь “Марсельезу”, с кем он еще в четвертом классе додумался бога отвергнуть», стал студентом-медиком и за участие в революционной деятельности выслан в Елец под надзор полиции¹. Встреча со старым другом сразу же, как и в гимназическом детстве, приобщила Михаила к политике: от Ефима он слышит имена совершенно неизвестных ему немецких социал-демократов Бебеля и Либкнехта, узнает, что Плеханов, о котором он «не раз слышал от Дунечки [двоюродная сестра М.М. Пришвина – А.П.] и понимал его как священное народническое имя, вроде Глеба Успенского», пишет под псевдонимом «Бельтов» и давно уже не народник, а марксист. В смущении он признается: «...я не знаю, что такое марксист <...> я ничего не слышал о Марксе» и просит друга научить его всему, как в старые гимназические времена (Кашеева цепь. С.185). Получив от Ефима популяризирующую марксизм книгу Бельтова-Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Михаил быстро уясняет первостепенное в ней, о чем и спрашивает Ефима: зачем же марксизм берет основой «экономический базис, почему не просто жизнь?» (Кашеева цепь. С.186).

Разумеется, ни Алшатов, ни молодой революционер Несговоров тогда еще не могли разобраться в этой основополагающей силе и слабости марксизма, абсолютизирующего формационный подход к истории общества с его редукцией всех духовных факторов исключительно к типу производственных отношений как всеопределяющему экономическому базису общественной жизни². Поэтому вместо разговора о сложнейшем природно-социальном явлении, каким является жизнь людей, Несговоров, пытаясь «защитить марксизм», навешивает на друга ярлык идеалиста: «Ну вот ты и пошел в метафизику. Ты, Миша, природный шалун, не обижайся, я говорю это в шутку: метафизик, поэт, художник... есть у тебя что-то в этом роде» (Кашеева цепь. С.186). Затем Несговоров, демонстрируя свои плехановско-марксистские взгляды, обличает идеологическую ущербность интеллигенции как прослойки, примыкающей к тому классу, который лучше всего служит ее интересам, вменяя в вину Алшатову само его желание стать инженером: ты будешь обречен служить буржуазии и так как вся политическая надстройка, а значит и «инженерные науки целиком находятся в руках господствующих классов, и ты будешь делать именно то, что тебе велят капиталисты <...> будешь ты инженером-химиком, посадят тебя на пороховой завод и заставят готовить порох для защиты буржуазии» (Кашеева цепь. С.186-187).

Михаилу же хотелось найти такую мировоззренческую теорию, которая научно раскроет законы жизни общества, чтобы не по-народнически слепо интеллигенция служила народу, но, познав «историческую необходимость», инженер смог бы осознанно посвятить себя делу рабочего класса. Однако Несговоров в духе плехановского понимания марксизма, как возможности победы социализма только сразу в нескольких экономически развитых европейских странах, а не по-ленински – в одной отсталой России, тут же остудил алшатовский энтузиазм: «мы не дождем с тобой до того, чтобы служить рабочему классу специалистами», нам нужно готовить революцию

¹ Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться порядковый номер книги дневников и страницы: Дневники. 1914-1917. Книга 1. М., 1991; Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994; Дневники. 1920-1922. Книга 3. М., 1995; Дневники. 1923-1925. Книга 4. М., 1999; Дневники. 1926-1927. Книга 5. М., 2003; Дневники 1928-1929. Книга 6. М., 2004.

² Пришвин М.М. Кашеева цепь // Собр.соч.: В 8 т. М., 1982. Т.2. С.183.

внутри старой жизни, «мы призваны облегчить роды – мы акушеры», а для этого необходимо устроить школу пролетарских вождей-революционеров, которые будут просвещать народ и поднимут его на восстание (Кащеева цепь. С.187). Это было желанием воплотить в практику идеи о соотношении роли масс и личности в истории Плеханова, который считал, что социалистическое будущее возможно лишь в том случае, если «...сама "толпа" станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой "толпе", разовьется соответствующее этому самосознание»¹. Елецкие революционеры, сообщает Ашатову Несговоров, с помощью работ Плеханова активно пропагандируют марксизм среди разночинцев, ветеринаров, учительниц – всего «третьего элемента», т.е. интеллигенции, традиционно поддерживающей идеи народничества.

Страстной натуре Михаила требуется конкретная работа, «практический корректив» теории, тем более, что совсем не позитивно было ему, чему же так обрадовался Ефим, узнав из газеты, что германские социал-демократы голосуют против расходов на флот и на армию, необходимых для защиты государства: «...если к слабым немцам без войска и флота явятся их злейшие враги французы и уничтожат Германию совсем – и с Бебелем, и с Либкнехтом, и социал-демократией? И если перевести то же на Россию, если опить к нам придет какой-нибудь новый Наполеон и у нас не будет оружия?» (Кащеева цепь. С.189). И конечно не случайно эта мысль остается в «Кащеевой цепи» мимолетной, не получив дальнейшего развития. Если учесть политический контекст русской истории дооктябрьского периода, то станет ясно, что здесь Пришвин, как и Плеханов, поддерживая патристический курс царского и затем Временного правительства на «войну до победного конца», устами Ашатова открыто выступает против выдвинутой Лениным еще в 1915 году теории поражения своего правительства (по сути поражения России!) и превращения войны империалистической в войну гражданскую², которая весной 1917 года трансформировалась в курс партии большевиков на захват власти путем перевода буржуазно-демократической революции в социалистическую. Так для Ашатова-Пришвина открывается, что в русской версии марксизма имеются по крайней мере две разные интерпретации: плехановская социал-демократическая и ленинско-большевистская, которая своим антипатриотизмом вызывает у него, как и у Плеханова³, критическое отношение.

Вместе с тем и плехановское понимание марксизма вызывает сомнения Ашатова, что наглядно подтверждается отношением его к народнической позиции студента Жукова, еще одного бывшего одноклассника-гимназиста, высланного из Москвы в ссылку в Елец под надзор полиции. «Злая книга, – говорит Жуков Ашатову о плехановском сочинении "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", – и ужасна своими заблуждениями в оценке личного». Жукову не нравится, что в плехановском марксизме нет «родственного внимания» ни к миру природы, ни к творческой личности: «Бельтов эту личность стирает, как пыльцу с бабочки на крыла, и устанавливает какой-то безличный, бескрылый закон» (Кащеева цепь. С.192). Михаил уже был готов поддержать так близкие ему слова о родственном внимании, но вдруг вспомнил гимназию, учившую об истории как борьбе добрых и злых индивидуальностей, и какая-то старинная обида, боль и злость заставили его вступить в борьбу. В истории должен быть закон, а не борьба духов, поэтому теория субъективистов несостоятельна, заявляет он Жукову и его сторонникам. Не имея даже понятия о социологической формуле Михайловского, на которого ссылались защитники народничества, Ашатов на удачу, как пламенный прозелит, бьет доводы своих противников усвоенными из Плеханова формулами марксизма о главенстве в истории силы экономической необходимости, кетати ввернув и слова Несговорова об акушерах-революционерах, которые не сидят сложив руки, а облегчают роды нового общества. Казалось, какой-то новый человек в Михаиле легко побеждал в этом споре, беря марксистские аргументы совсем из ничего. Стоило только презрительно

¹ Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться название и страницы.

² Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т.13. С.7.

³ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т.1. С.693.

сказать в споре какое-нибудь слово вроде «метафизика», и соперник терпелся, не зная, что ответить. «Если у меня взялось из ничего, то, наверно, то же и у них, я не знаю формулы Михайловского, а они, наверно, не понимают Бельтова. Куда им!», – даже обрадовался Алшатов (Кащеева цепь. С.194).

Конечно, истинную цену подобным софистическим методам спора, позволяющим большевикам-революционерам «бить словами» и опровергать оппонентов клятвами «из ничего» наукообразными формулами, Пришвин осмыслит много позже и неоднократно будет говорить о марксистской софистике и догматизме в своих дневниках.

Если поэтически воспринятый марксизм значительно расширял мировоззренческий кругозор будущего писателя, то пропагандистская деятельность достаточно скоро привела его к типичному для многих революционеров того времени итогу: пойманный в Риге с полицией при переноске нелегальной литературы Пришвин попал в 1897 году в камеру одиночного заключения Митавской образцовой тюрьмы. Кстати, отчасти тюрьма пошла юноше на пользу, излечив его от воинствующей политической деятельности, и в 1947 году Пришвин в одной из дневниковых записей обронил, что царская тюрьма спасла его от тюрьмы пролетарской и «благодаря той тюрьме я не попал в нее в советское время»¹. После освобождения Пришвину было запрещено в течение трех лет жить в университетских городах. Поэтому он, вернувшись в 1898 году в Елец, два года хлопотал о разрешении выехать за границу для получения высшего образования, и вполне закономерно, что для продолжения образования была выбрана Германия, славившаяся в то время своей философией и учеными.

В Германии он знакомится с обществом реальной, а не теоретической социал-демократии. В благоустроенной и сытой Европе революционный марксизм предстает в форме благоправного и самодовольного мещанства. «Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком» (Кн.2. С.366). Окончание учебы в 1902 году было ознаменовано мировоззренческим поворотом, который Пришвин определил формулой «от теории к жизни», что означало осознание им марксизма как доктрины, ограничивающей и подменяющей жизнь. И, подводя итоги своего марксистского периода, Пришвин скажет в 1922 году: «Мой фанатический Марксизм владел мною все-таки лет десять всего, начал он рассасываться бессознательно при встрече с многообразием европейской жизни (философия, искусство, танцевальные кабачки и проч.)...» (Кн.3. С.275). В «Кащеевой цепи» очень искусно показан естественный ход переоценки революционно-социалистических идей Маркса и Плеханова как перехода от внешнего схоластически книжного представления о жизни к подлинному бытию с его неподдельными ценностями, к личному творчеству, средоточием которого станет в дальнейшем для Пришвина литература.

Казалось бы, мировоззренчески навсегда отойдя в начале XX века от идей Маркса и его апологетов, Пришвин после революции вновь столкнется с марксизмом, в частности с Плехановым, уже на эстетической почве. Ведь с именем Плеханова было связано не только распространение и популяризация марксизма в России, но и применение его к анализу проблем искусства, создание теоретических основ советской эстетики. Разрабатывая марксистскую методологию эстетики в работе «Искусство и общественная жизнь», Плеханов сделал вывод: так как культура любой эпохи подчинена идеологии господствующего класса, то задача критики путем социологического анализа творчества определить направление развития таланта, поскольку художник, поддерживающий мировоззрение передовых классов, творит лучше. По Плеханову, именно марксистская идеология и пролетарская революция открывают путь к творческой гармонии художника с обществом, позволяя сказать всю правду о мире, не искажаемую идеями обреченного общества. «Чтобы понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней, – пишет Плеханов, – <...> борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружинок. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многообразные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе “духовную” историю цивилизованного общества: “ход его идей” отражает собой историю его классов и их борьбу».

¹ Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полн.собр.соч. М., 1961. Т.26. С.307-350.

бы друг с другом»¹. Но эта мировоззренческая и эстетическая позиция Плеханова была совершенно неприемлема для Пришвина: «Нельзя жить по этим жестоким и бессмысленным принципам коммунизма <...> Классовый подход к живой личности – самая ужасная пытка для людей и губительство всякого творчества: это все равно, что стрелить в Пушкина или Лермонтова» (Кн.6. С.415).

Исходным пунктом эстетики Плеханова выступает мысль о том, что искусство призвано выражать общественную психологию, которая определяется социально-классовыми отношениями, полностью зависящими от уровня развития производительных сил общества. Отталкиваясь от мысли Маркса из «Нищеты философии» о всеобщей продажности буржуазного общества, Плеханов заключает: «Можно ли удивляться тому, что во время всеобщей продажности искусство тоже делается продажным? <...> Искусство времен улады «должно» быть уладочным (декадентским). Это неизбежно»². Особое внимание обращается на вопросы методологии исследования искусства, состоящей из двух стадий: первая – определение «социологического эквивалента» и вторая – проведение «эстетического» анализа. Развивая мысль Белинского о переложении критиком идеи произведения писателя с языка искусства на язык философии, Плеханов ставит перед критикой задачу перевода идеи данного художественного произведения «с языка искусства на язык социологии», чтобы найти «социологический эквивалент данного литературного явления»³. После отыскания социально-психологической классовой основы произведения следует второй акт критики – оценка эстетических достоинств произведения, которые «всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается», а общественное настроение всякой данной эпохи в свою очередь «всегда обуславливается свойственными ей общественными отношениями», зависящими от исторических форм классовой борьбы⁴.

Именно этот методологический принцип эстетики Плеханова, что связь искусства с экономикой опосредуется общественной психологией, порождаемой борьбой классов в ходе экономического развития общества, стал основой для вульгарно-социологического литературоведения, отождествляющего художника с классом, нивелирующего личность и сводящего задачи искусства к иллюстрации экономических отношений и классовой психологии. Так, ученик Плеханова В.М. Фриче на риторический вопрос: «Что такое пролетарская поэзия?» отвечал: «Это, очевидно, поэзия, созданная пролетариями и прежде всего индустриальными рабочими», это «как бы новая раса, созданная из железа, отлитая из стали», символом чувств и мыслей которой является слово «мы»⁵.

Как художник слова Пришвин особенно чутко воспринял лексико-синтаксический аспект классового подхода к искусству, выразившийся в резко ускорившемся после революции процессе идеологизации языка. Осознавая эту опасность, он 26 ноября 1917 г. выступает в петроградской газете «Воля волыная» со статьей «В защиту слова», в которой обнажает страшную разрушительную силу изменения понятийного смысла слов: «Превосходное по силе, магическое слово создала революция <...> знаменитое наше:

¹ Разразившаяся в 1914 году Первая мировая война в определенном смысле спасла Ленина от возможного политического краха. В сентябре 1915 года Плеханов в частном письме высказал мнение, что для Ленина война 1914 года стала единственным способом достичь своих целей: «Если бы не разразилась война <...> то он, возможно, был бы обречен и исключен из Социалистического Интернационала» по причине его «подрывной роли в русском рабочем движении» (Цит. по: Бейрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С.128).

² Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2. С.75.

³ Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1. С.287.

⁴ Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1. С.375.

⁵ Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С.208.

– Буржуи!

Ни один футас, никакая двенадцатидюймовая пушка не могли бы произвести такого опустошения, как это ужасное слово, которое заставило в России замолчать почти всех людей с организованными способностями и многим стоило жизни»¹.

Здесь автор, по сути, задается философским вопросом об онтологической основе бытия языка и тех субстанциальных факторах изменения, усложнения или распада языка, анализ проблематики которого осуществит М. Хайдеггер: «Философскому исследованию придется <...> спрашивать о “самых вещах” <...> Настоящая интерпретация языка была призвана только показать онтологическое “место” для этого феномена внутри бытийного устройства присутствия и, прежде всего, подготовить нижеследующий анализ, который по путеводной нити фундаментального бытийного способа речи во взаимосвязи с другими феноменами пытается исходное ввести в обзор повседневность присутствия»².

Хотя Пришвин и не употребляет характерно хайдеггеровское понятие «слово-вещь» для обозначения онтологической укорененности слова в явлениях действительности, писатель тем не менее пытается художественно-образно, по-своему показать, как изменение смысла слов коренным образом изменяет энергию понятий, разрушает традиционные и устоявшиеся в общественном обиходе значения (денотаты) предметов или ситуаций, всей силой государственного принуждения внедряя в сознание людей необходимые для власти концепты – смысловые представления слов. О важности коммуникативной роли слова кратко и емко скажет Гадамер: «Все феномены взаимосогласия, понимания и непонимания, образующие предмет так называемой герменевтики, суть явления языковые»³.

Подчеркивая духовную опасность классовой фразеологии, писатель вспоминает, как он с братом, будучи детьми, решили убить и закарить на вертеле поповского гуся: «Мы сочинили себе и нравственное оправдание так же, как нынче при убийстве людей: не людей убивают, а “буржуазов”. Так и мы решили, что нашего гуся не зарежем, а поповского. Почему-то выходило, что гусь поповский – почти что не гусь, как “буржуаз” – не человек, и с ним можно делать все что вздумается» (Цвет и крест. С. 185).

Плехановский классовый подход к искусству, а если шире, то ко всей сфере духовной жизни общества, порождал типично софистическое манипулирование властью – в интересах своей идеологии – логической, грамматической и смысловой структурой понятий. Если в эпоху царизма грибоедовский герой «Горя от ума» восклицал: «Ах! злые языки страшнее пистолета», имея в виду нравственный ущерб от сплетни, то в революционное время слова подчас нейтрального значения стали обретать уже не этический – смертельный смысл. «“Не в словах дело” – принято выражаться, а как же не в словах, вот этот “буржуи” – сколько в этом слова дела! Когда говорят “не в словах” – думают, не в оболочках слов дело, оболочка слова “буржуи” самая невинная, это значит буржуа, житель города, оболочка французская, содержание нижегородское и вместе сила разрушения великая», – подчеркивает Пришвин опасность насаждаемой большевиками классовой терминологии в языке. (Цвет и крест. С.125). Вследствие подмены понятийного смысла, объем содержания «священно-революционных» слов становится убийственно и безумно широк. «Многоголовой гидрой оказывается эта буржуазия, от крупного помещика до соседа-крестьянина, имеющего на одну лошадь и на одну корову больше, чем я», – отмечает он этот софистический парадокс (Цвет и крест. С.100).

Пришвин анализирует, как под влиянием революционной идеологии и политики изменяются не только привычные значения и смысл слов, но и пересматриваются укорененные в исторической традиции манеры поведения и способы разговора, как за измененными языковыми правилами общения перерождаются отношения людей, как внедряемые властью в общество новые слова трагически трансформируют миропонимание людей. Так писатель самостоятельно приходит к важному философскому выводу, который в теории герменевтики будет сделан почти полувеком позже: «То, что мы

¹ Там же. С.212.

² Фриче В.М. Пролетарская поэзия. М., 1919. С.102.

³ Пришвин М.М. Цвет и крест. СПб., 2004. С.125.

называем установлением языковых правил <...> представляет собой хорошо отлаженный механизм политического манипулирования, – отмечал в 1960-е годы Гадамер. – С помощью централизованной системы коммуникации политики могут укреплять сложившийся порядок, внушая, что языковые правила устанавливаются в нем, так сказать, механически»¹.

За идеологической переделкой слова и установлением новых языковых правил неизбежно следовала не только мировоззренческая, но и нравственная трансформация общественного сознания, за семантическим сдвигом содержания слов происходила онтологическая смена смысла понятий правды и лжи, добра и зла. Поэтому в опубликованной 4 мая 1918 года газетой «Жизнь» статье «В телачьем вагоне» писатель пытается обратить внимание всей России на опасность внедрения логики классовой борьбы в смысл слова, приводя как пример классового понимания «гуманизма» мечту своего попутчика, юноши-большевика: «если бы я мог собрать всю буржуазию, всех попов в одно место, в один костер, и мне бы досталось счастье поджечь его, – я бы поджег, я был бы счастлив» (Цвет и крест. С.193).

Так, с точки зрения Пришвина, марксистская теория классовой борьбы, догматически применяемая Плехановым к духовной жизни общества, ведет к порче, к болезни слова, которое, софистически наделенное неправомерным идейным содержанием, то становится оправданием политических репрессий, то порождает у людей психологию ненависти. «За самого злейшего буржуа считает наш мещанин крестьянина, а тот мещанина – за жулика. И вот, поди разбери теперь, в скорое революционное время, кто из них буржуа и кто пролетарий?» (Цвет и крест. С.200). Рассматривая конценцию этой «командной» роли слова французского психолога Пьера Жана, Л. Выготский отмечал, что слово – средство овладения не только природным, но и духовным миром человека: «Жане говорит, что за властью слова над психическими функциями стоит реальная власть начальника <...> Регулирование посредством слова чуждого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности»².

Разоблачая онтологическую лживость «красных слов», которые большевистская пропаганда внедряет в общественное сознание как истину, скрывая, что на деле – это лишь прикрытые узких и частных партийных интересов, Пришвин фактически выполняет ту задачу, которая будет позже сформулирована перед философией теорией герменевтики: «философское мышление есть дальнейшее продумывание изначального опыта мира <...> оно стремится додумать до конца энергию понятий и созерцаний того языка, в каком мы пребываем»³. Писатель исследует процесс духовной трансформации общественного сознания и художественно изображает в своих произведениях те властные формы сокрытия истины, имеющие «дело именно с таким утаиванием с помощью речи, которое определяет наше мироотношение <...> связана с незаметным действием в речи предрассудков. Ибо фундамент речи как раз тем и структурируется, что мы руководствуемся в ней предположением и предположениями»⁴.

Гипертрофирование классового подхода при анализе любых явлений жизни было парадигмой марксистского мышления, что предопределяло отношение к культуре не только Плеханова, но и В.И. Ленина, который 8 октября 1920 года со всей откровенностью заявил: «В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть пронизана духом классовой борьбы пролетариата...»⁵. Поэтому вряд ли можно считать оправданным вывод современного теоретика эстетики Ю. Борева, что между Плехановым и постулатами эстетики социалистического реализма «связующим звеном между дореволюционной марксистской искусствоведческой мыслью и вульгарно-социологическими теориями второй половины 30 – начала 50-х годов» был Троцкий, что «именно Троцкий заложил советскую традицию оценки художественных явлений не с эстетической, а с чисто политической точки зре-

¹ Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться название и страницы.

² Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. С.194.

³ Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 43.

⁴ Гадамер Г.-Г. Язык и понимание. – С.50.

⁵ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С.192.

ния»¹. В действительности Троцкий лишь конкретизировал и развивал исходные установки классового подхода марксизма к культуре, как это делали и Плеханов, и Ленин. Именно это подчеркивал Ленин, заявляя, что «упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма <...> Может ли кто-нибудь, хоть немного знакомый с Марксом, отрицать, что учение о классовой борьбе – центр тяжести всей системы его воззрений?»². Что и сказало не только в политике большевистской власти по отношению к «враждебным» классам, но и в отношении методологических подходов к решению проблемы, каким должно быть искусство будущего социалистического общества, какими способами его создавать. Характерно, что Пришвин как участник литературной жизни тех лет четко определял сходство и различие эстетических позиций Ленина и Троцкого: «В литературе Ленинизм называется “напостовство”, а Троцкизм “попутчество”» (Кн.4. С.190), то есть ленинский классовый подход к культуре и искусству был лишь более ортодоксальным, чем у Троцкого.

Идеологизация всей советской жизни, а не одной лишь литературы Пришвиным понималась как закономерный результат влияния марксизма: «большевизм родился в процессе реализации интеллигентских чаяний, что Керенский, Чернов, Плеханов, Троцкий ходом событий во всем мире, а не только у нас непременно приведены бы были к тому самому, что делает теперь большевизм: делает государство силой принуждения...»³. Если понимание отсутствия в большевизме позитивных, мироустроительных начал приходит к Плеханову только после захвата партией Ленина государственной власти⁴, то для Пришвина разрушительность идеологии классовой борьбы в экономически отсталой стране стала очевидной уже летом 1917-го. Сам онтологический смысл революционной идеи, изжитой большевиками у Маркса, по его мнению, есть уничтожение бытия, умопомрачительный отказ от действительности во имя некой коммунистической химеры: «На вопрос мой одному крестьянину, кому теперь на Руси жить хорошо, он ответил: “У кого нет никакого дела с землей”. Солдат ответит: “У кого нет дела с войной”, купец – с торговлей. И вообще – с настоящим. Кто с будущим живет – тому хорошо <...> Хорошо бродячему, плохо оседлому» (Кн.1. С.332). Поэтому в Дневнике 3 июля 1917 года писатель предвещает неминуемый крах большевистского социализма в силу его экономической и духовной несостоятельности: «Путь дальнейшей нашей истории – путь оживления мертвых (собственников). Это неизбежно, потому что другого пути (общего) и нет в сознании. Гибель социалистов неизбежна» (Кн.1. С.328).

В первые же послереволюционные годы из России уезжает или изгоняется целая плеяда лучших деятелей русской культуры. Наступает эпоха тотальной идеологизации жизни. «Все наркомы занимаются литературой» и начинается «время садического совокушения власти с литературой», отмечает Пришвин (Кн.3. С.260). Об этом свидетельствует и неудачная попытка издания повести «Мирская чаша» (1922), которую писатель предложил редактору журнала «Красная новь» А. Воронскому, но получил отказ по соображениям цензуры. Тогда он дерзко и решительно обращается с письмом⁵ к Троцкому, надеясь, что власть найдет мужество дать существование повести, хотя она и была бы нелицеприятной. Ответ Троцкого был похож на приговор: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна». Получив эту отповедь, Пришвин понимает, что «Паспорт, во всяком случае, дан <...> и в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи...» (Кн.3. С.260, 267). Лишь в 1979 году повесть «Мирская чаша» без десятой главы была напечатана в журнале «Север», а полной публикации читатель дождался еще десять лет.

¹ Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.11.

² Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.69.

³ Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полн.собр.соч. М., 1963. Т.41. С.336.

⁴ Боров Ю. Эстетика Троцкого // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатаются по изд. 1923 г. М., 1991. С.5-6.

⁵ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Полн.собр.соч. М., 1958. Т.1. С.320.

Осуществляя на деле плехановскую теорию классового подхода к культуре, власть широко проводила политику государственной регуляции творчества, принуждая критику оценивать искусство с позиций «трудового происхождения» художника. Широкое распространение получила вульгарно-социологическая концепция, по которой писатели делились на враждебные классовые группы. Поэтому считалось, что даже при «подражании благозвучно пушкинских стихов <...> поэты других классов испытывают идеологическое влияние аристократии»¹. В частности, Пришвина относили в лучшем случае к попутчикам², в худшем – к представителям «мелкобуржуазной литературы <...> отражающей настроения не переставшей мечтать о своей надклассовости интеллигенции, воспитанной до-революционной эпохой»³. Просто «удивительно, как не додумались до трудовой регуляции любви», – с сарказмом говорил по этому поводу писатель (Кн.4. С.82).

Конечно же, Пришвина понимал, что причиной редукции советского искусства к идеологии была отнюдь не одна плехановская вульгаризация марксизма, не только догматизм советских вождей и теоретиков-эпигонов. Главной причиной нарастания идеологизации искусства был тоталитарный политический режим, который укрепился за счет жесточайшего террора, оправдываемого тезисом Сталина о якобы закономерном обострении внутренней классовой борьбы даже после ликвидации эксплуататорских классов в стране по мере ее продвижения к социализму. «Классовую борьбу» теперь, при подавлении враждебных классов, надо понимать как борьбу за государство», которую ведут с народом и одновременно между собой с большевистские вожди, заключал Пришвина⁴. Действительной же задачей советской власти, считал он, должно быть не построение бесклассового общества, а народное просвещение, поскольку «образование более разделяет людей, чем классы экономические. Внеклассовое общество – это значит господство образованных людей» (Кн.6. С.26-27).

Ощущая все более усиливающееся идеологическое давление государства на творчество и понимая, что в борьбе с мировоззрением чуждой ему власти, невозможно открыто выразить политический протест, писатель, чтобы остаться самим собой в русской литературе, избрал иной путь: «Только если в себе самом выстроишь дом и посмотришь на людей из окошечка этого никому не видимого и незавидного жилья, можно любить их и так сохранить себя самого от расхищения злобой», – так в духе подвизнического служения людям определил он свое жизненное кредо (Кн.3. С.183). Однако остаться вне поля зрения воинствующей критики было невозможно ни детскому писателю, ни художнику-анималисту, ни пишущему на отвлеченные от злобы дня исторические темы. РАПП, присвоившая себе право быть политическим цензором над советским искусством, устами своего Генерального секретаря провозглашала: «Наша критика должна быть ортодоксально марксистской», мы «против затушевываний и замирений – за четкую идеологическую линию»⁵.

В этой атмосфере повсеместного поиска классовых врагов весьма чреватых роковыми последствиями стал один эпизод из жизни Пришвина, который лишь с позиций сегодняшнего дня кажется анекдотически-курьезным. В 1930 году писатель в духе того времени решил стать «ударником» в литературе, чтобы, заключив договор с издательством «Молодая гвардия», получать зарплату, а произведения отдавать издательству безвозмездно. И вот на одном из заседаний редакционного совета слушали

¹ Пришвина М. «Жизнь стала веселей...» Из дневника 1936 г. // Октябрь. 1993. № 10. С.14.

² В статье, опубликованной газетой «Единство» (28 октября 1917), Плеханов, откликаясь на революционный переворот, оценил его как величайшее историческое несчастье России. «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну», которая неизбежна в силу пагубности «политики захвата власти одним классом или, – еще того хуже, – одной партией» (Плеханов Г.В. Открытое письмо к Петроградским рабочим // Вопросы истории. 1989. № 12. С.105, 106).

³ Очевидно, это было первое в своем роде явление, которое по мере упрочения коммунистического режима превратится в традицию «писем к вождям» как высшей идеологической инстанции, и это явление – один из признаков тоталитарного государства.

⁴ Волькенштейн В. Опыт современной эстетики. М.-Л., 1931. С.158.

⁵ Замошкин Н. И. Творчество Мих. Пришвина. К вопросу о генезисе попутничества // Печать и революция. 1925. № 8. С.126.

отчет Пришвина, который, надеясь очаровать «этих приятных молодых людей», рассказал о проделанной работе и как обычно мастерски, с вдохновением прочитал только что законченный рассказ «Полирный роман», предназначенный для обсуждения. После продолжительной паузы зловещей тишины, первый же выступающий – Осип Брик¹, сказав несколько слов дежурных похвал, вдруг напрямую обвинил автора в антисоветчине: «Вот, к примеру, вы пишете о вороне, а у вас не чувствуется, что это наша, советская ворона».

– Как, как? – вскричал Михаил Михайлович. – Советская ворона?

– Да, да! – продолжал настаивать Брик. – Именно не чувствуется. Конечно, сердцу не прикажешь... Вот так... Вот и все, что я хотел сказать...». По воспоминаниям присутствовавшего на этом «обсуждении» племянника писателя, «это была продуманная во всех деталях, тщательно извешенная травля <...> ораторы все долбили и долбили его»². Позже Пришвин отмечал, что, несмотря на заступничество Горького, эта травля продолжалась несколько лет и закончилась для него благополучно лишь благодаря отпуску РАПП в 1932 году³.

При классовом подходе к творчеству искусство переставало быть специфическим способом постижения жизни со всеми ее противоречиями и превращалось в иллюстрацию идеологического материала по заданным схемам. «Был у меня со стихами своими комсомолец, рабочий с придельной фабрики Гришин, – отмечает в Дневнике Пришвин 20 декабря 1927. – В каждом стихотворении его встречается неоправданно слово “комсомол”. Я спросил его, зачем он повторяет слово и не пытается изобразить. “Так уже полагается, – ответил он, – без этого не напечатают”» (Кн.5. С.525). Но примечательно, что писатель ясно видит те моменты, когда ленинская и плехановская версии марксизма соединяются в культурной политике большевизма, который, принуждая искусство служить своей идеологии, оправдывает государственное насилие над личностью художника ссылками не только на Маркса, но и на русских революционеров. Прочитав в сентябре 1946 года речь Жданова о Зощенко, Пришвин приходит к выводу, что в большевизме скрыта какая-то средневековая ненависть к свободному искусству. Даже имена «Беллинского, Добролюбова, Чернышевского, Плеханова ставятся в оправдание насилия над личностью художника. То, о чем догадывались, теперь названо. Как мужики громили усадьбы помещиков, так теперь правительство выпустило своих мужиков от литературы на писателей с лозунгами из Ленина о том, что литература и все искусство являются частью дела партии (т.е. искусство есть агитация и пропаганда марксизма)»⁴.

Пропагандируемая Плехановым, Лениным, Троцким и их эпитонами марксистская парадигма «классового подхода к искусству» в наиболее концептуальной форме нашла свое выражение в концепции «социального заказа» теоретиков РАПП. «Психику и идеологию авангарда рабочего класса в искусстве выражает реализм», – заявлял В. Ермилов. Но поскольку идеологией пролетариата является философия марксизма, то метод пролетарской литературы это «метод диалектического материализма <...> это – единственный путь к гегемонии пролетарской литературы»⁵. Эту позицию поддержал А. Фадеев: «Овладеть передовым мировоззрением пролетариата, мировоззрением диалектического материализма, и претворение его в художественный метод», – вот главная задача пролетарского писателя⁶. Отождествление творческого метода с мировоззрением писателя, которое неразрывно связывалось с его классовой принадлеж-

¹ Горбачев Г. Современная русская литература. Л., 1929. С.131.

² Пришвин М. Дневник. 1931-1932 год // Октябрь. 1990. № 1. С.161.

³ Авербах Л. Опять о Воронском // На литературном посту. 1926. № 1. С.15, 20.

⁴ О.Брик критик и теоретик искусства, представитель вульгарно-социологического течения в советском литературоведении, еще в 1923 году в совместной с В.Маяковским статье провозгласил тезис о творчестве как технике обслуживания классовых интересов: «Мы не жрецы-творцы, а мастера – исполнители социального заказа» (Маяковский В.В., Брик О.М. Наша словесная работа // Леф. 1923. № 1. С.41).

⁵ Пришвин А. Вечные строки: Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным. Хабаровск, 1965. С.60-61.

⁶ Данный эпизод автор воспоминаний ошибочно относит к осени 1929 года, тогда как так называемый «призыв ударников в литературу» был провозглашен РАПП только в 1930 г.

лежностью, позволяло рапповцам под видом борьбы за плехановский принцип «классовой линии в литературе» осуществлять травлю всех несогласных с курсом РАПП на идейно-эстетическую монополию. И прямым развитием мысли Плеханова о том, что искусство и литература как всякая идеология выражает стремления и настроения общественного класса¹, стали вульгарно-социологические выводы рапповцев, что «художественное творчество является лишь особой формой идеологии»², что у всякого художника «недостатки стиля есть недостатки мировоззрения»³.

Классовый подход к искусству разрабатывал также ценнейший и крупнейший, по ленинской оценке, теоретик большевистской партии Н.И. Бухарин⁴, который, по поводу призывов интеллигенции допустить в стране свободу творчества, заявил: «Мы руководства из своих рук не можем выгнать, на что имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, это есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель»⁵. И поскольку РКП (б) проводит линию на гегемонию марксизма, то образование и искусство должны работать на партию: «Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой!»⁶. Тем же, кто сомневался в способности большевиков подчинить все умы идее коммунизма, Бухарин отвечал, что эта задача будет решена через подготовку новой интеллигенции: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер», поэтому «мы будем штамповать интеллигентов, будем выработать их как на фабрике, <...> если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно»⁷.

Эту «штамповку интеллигенции», ее «тренировку» на определенный идеологический манер вскоре стал осуществлять Сталин, всячески разжигая распри среди деятелей культуры, натравливая их друг на друга, призывал к войне с «классовыми врагами» в искусстве, для чего, наставлял своих соратников продолжатель дела Ленина и Плеханова, «вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями "советское", "антисоветское", "революционное", "антиреволюционное" и т.д.»⁸.

Сведение искусства к классовой психологии превращало творчество в работу по жесткой рецептуре. Искусство в таком понимании переставало быть специфически-образным способом постижения жизни со всеми ее противоречиями и превращалось в один из способов выполнения «социального заказа» в иллюстрацию идейно-политического материала по заданным логическим схемам. Введение в практику отношения государственной власти к творчеству понятия «социальный заказ», пишет Пришвин, возвращало общество «к эпохе упадка народнической литературы, к диктатуре гражданской морали» (Кн.5. С.530). Это был безусловный тормоз развития литературы, которой революционный процесс начала века дал мощный стимул к освобождению от идеологического диктата. Но если в народнической беллетристике, по мнению Пришвина, «искусство и гражданственность смешивались механически», являясь следствием дурного художественного вкуса (Кн.5. С. 528), то государственная идеология советской эпохи в 1920-е годы взяла курс на насаждение марксистского мировоззрения в искусстве диктаторскими методами. Примером является откровенный волюнтаризм отношения власти к художникам: «что Сталин все может, – пишет Пришвин в Дневнике 1929 года, – видно на примере Всеволода Иванова, которого уже начинали сильно травить. Он поставил плохонькую пьесу, но Сталину понравилось, и во всех газетах протрубили, что пьеса превосходная. Такое жалкое положение: литература принадлежит к стопам диктатора» (Кн.6. С.379).

¹ Пришвин М.М. Дневники 1905-1954 // Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т.8. С.260.

² Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2. С.74.

³ Ермилова В. О творческом лице пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы. М.-Л., 1929. С.170, 189.

⁴ Фадеев А. Заметки об отставании // На литературном посту. 1931. №2. С.2.

⁵ Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С.207.

⁶ Канатчиков С.И. В борьбе за пролетарскую идеологию. М., 1931. С.73.

⁷ Селявановский А. Попутничество и союзничество. М.-Л., 1932. С.75.

⁸ Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. М., 1982. Т.45. С.345.

Пришвин считает неприемлемым любое идеологическое вмешательство в творчество художника, как внешнее со стороны коммунистической власти, так и народническое, некогда противостоящее царской власти. Избавление культуры от непреложного гражданства, которому призывали идеологи марксизма от Плеханова до Сталина и К°, было для Пришвина важнейшим культурным завоеванием общества, и идейное освобождение художника он считал равноценным «отделению церкви от государства» (Кн.5. С.528). Конечно, это вовсе не означает безразличия художника к делам общества. Настоящий художник, по мнению Пришвина, всегда связан с жизнью народа, воспринимая запросы общества как свое «родственное поручение» и, в частности, говорит о себе, что «хотя я никогда не был народником, но воспитывался среди них, и этика моя народническая» (Кн.6. С.123). Поэтому свое самоутверждение и спасение как писателя Пришвин видит в служении людям, а не какому-либо классу: «после революции я во время ненависти, злобы и лжи решил против этого выступить не с обличением, а с очень скромным рассказом о хороших людях – так возникла “Кашеева цель”, и начался победный ход моего писательства. Как бы все принимаю, пусть господствует зло, но утверждаю неприкосновенную силу добра как силу творческого труда и прежде всего: “хлеб наш насущный”...» (Кн. 5. С.497).

Список литературы

1. Пришвин В.Д. Путь к слову. М., 1984.
2. Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994.
3. Дневники. 1914-1917. Книга 1. М., 1991; Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994; Дневники. 1920-1922. Книга 3. М., 1995; Дневники. 1923-1925. Книга 4. М., 1999; Дневники. 1926-1927. Книга 5. М., 2003; Дневники 1928-1929. Книга 6. М., 2004.
4. Пришвин М.М. Кашеева цель // Собр.соч.: В 8 т. М., 1982. Т.2.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т.13.
6. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т.1.
7. Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полн.собр.соч. М., 1961. Т.26.
8. Бейрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5.
9. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2.
10. Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1.
11. Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. М., 1978. Т.1.
12. Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948.
13. Фриче В.М. Пролетарская поэзия. М., 1919.
14. Пришвин М.М. Цвет и крест. СПб., 2004.
15. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.
16. Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
17. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
18. Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
19. Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
20. Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полн.собр.соч. М., 1963. Т.41.
21. Борея Ю. Эстетика Троцкого // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. М., 1991.
22. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Полн.собр.соч. М., 1958. Т.1.
23. Пришвин М. «Жизнь стала веселей...» Из дневника 1936 г. // Октябрь. 1993. № 10.

24. Плеханов Г.В. Открытое письмо к Петроградским рабочим // Вопросы истории. 1989. № 12.
25. Волькенштейн В. Опыт современной эстетики. М.-Л., 1931.
26. Замошкин Н. И. Творчество Мих. Пришвина. К вопросу о генезисе попутничества // Печать и революция. 1925. № 8.
27. Горбачев Г. Современная русская литература. Л., 1929.
28. Пришвин М. Дневник. 1931-1932 год // Октябрь. 1990. № 1.
29. Авербах Л. Опять о Воронском // На литературном посту. 1926. № 1.
30. Маяковский В.В., Брик О.М. Наша словесная работа // Леф. 1923. № 1.
31. Пришвин А. Вечные строки: Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным. Хабаровск, 1965.
32. Пришвин М.М. Дневники 1905-1954 // Собр. соч.: в 8 т. М., 1986. Т.8.
33. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2.
34. Ермилов В. О творческом лице пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы. М.-Л., 1929.
35. Фадеев А. Заметки об отставании // На литературном посту. 1931. №2.
36. Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948.
37. Канатчиков С.И. В борьбе за пролетарскую идеологию. М., 1931.
38. Селивановский А. Попутничество и соколенчество. М.-Л., 1932.
39. Ленин В.И. Письмо к следзу // Полн. собр. соч. М., 1982. Т.45.
40. Бухарин Н. Судьбы русской интеллигенции // Печать и революция. 1925. Кн.3.
41. Сталин И.В. Ответ Билли-Белоцерковскому // Соч.: в 13 т. М., 1949. Т.11.

PHILOSOPHY AND IDEAS OF G.V. PLEKHANOV IN THE OUTLOOK AND WORKS OF M.M. PRISHVIN

In this article it is analyzed the influence of Marxist revolutionary ideology to Prishvin, enthusiasm of which came to him through the works of Plekhanov. On the material of works of art, publicism and Diary it is considered the way of outlook disappointment of the writer in Marxism, which began during the study at the Universities of Germany. Ideologically broke with Marxism in the beginning of XX century Prishvin collides with it again, but in the form of Soviet aesthetics, theoretical foundation of which were laid by Plekhanov. Class approach to art, ideology of creative work and vulgar socialism of Soviet aesthetics, principles of which were elaborated by Lenin and Trotsky after Plekhanov, was absolutely unacceptable for the writer. Prishvin considers that Marxism theory of class struggle, dogmatically applying to the spiritual life of the society ruinous for art. That is why his self-affirmation and rescue as a writer, Prishvin sees in the service to the powers of good, not evil of class difference.

Key words: Marxism, G. Plekhanov, V. Lenin, L. Trotsky, class approach to art, ideology of creative work, vulgar socialism.

A.M. PODOKSENOV

*Yelets Burnin State
University*

e-mail: podok-
senov2006@rambler.ru